

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В ТУРКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Достигнутый к настоящему времени в ряде областей изучения Турции уровень исторических знаний, а также сама логика их развития заставляют все большее число авторов переходить к необходимым обобщениям, определять специфику исторических процессов в стране, широко используя при этом сравнительно-исторический метод анализа.¹ Это, в свою очередь, приводит к необходимости заострить внимание на понятийном аппарате туркологических исследований и задачах его совершенствования. Ведь употребляемые в исторических работах категории должны отражать в себе как общие закономерности исторического развития, так и специфику их проявлений в изучаемом обществе на каждом из этапов его эволюции. Не случайно поэтому выявление типологических особенностей арабо-османского феодализма в работах Н. А. Иванова, С. Ф. Орешковой и И. М. Смилянской повлекло за собой отказ от употребления термина «военно-ленная система» и замену его понятием «гимарная система». Это дало возможность подчеркнуть специфику феодализма в Турции, невольно заслонявшуюся прежде категорией, характеризующей феодальные отношения европейского типа.

Другим примером подобного же рода может быть исследование вопроса о соотношении светской и духовной власти в османской политической системе, результаты которого позволили его автору, М. С. Мейеру, усомниться в правомерности употребления понятия «унитарная монархия» по отношению к средневековой Османской державе.² Уточнение терминологии здесь также не самоцель, а стремление адекватно отразить в рамках марксистских исторических категорий специфику средневекового османского государства.

Как видно, и в том и в другом случае развитие понятийного аппарата шло параллельно с исследованием и являлось естественным его результатом. Работа в этом направлении должна быть продолжена, поскольку в исследованиях по средневековой истории Турции до сих пор нередки терминологические погрешности, которые частично искажают в целом верно выраженные стадияльно-формационные характеристики и особенности османского

общества. Так, довольно часто и без необходимых при этом уточнений употребляется еще термин «чиновник» по отношению к тимариотам и займам XIV—XVI вв., «бюрократия» — в связи с характеристикой иерархии должностных лиц в средневековой Турции. А между тем хорошо известно высказывание В. И. Ленина, который подчеркивал, что «всякая бюрократия и по своему историческому происхождению. . . и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение».³

Не меньшее (если не большее) внимание к отработке понятийного аппарата и вопросам соответствия его общим формационно-стадиальным характеристикам Турции того или иного периода требуется также и от исследователей новой и новейшей истории. Делая это замечание, мы исходим из того, что в названные эпохи общественные структуры этой страны постоянно испытывали на себе сильное влияние обществ, находившихся на качественно более высоком уровне социально-экономического и политического развития. Так, в XIX и в начале XX в. поздний османский феодализм явился объектом всесторонней экспансии европейского капитализма, достигнувшему к этому времени стадии империализма. Позднее на молодой капитализм в Турции начинает воздействовать уже развитой государственно-монополистический капитализм Запада.

Одним из результатов этого асимметричного взаимодействия является то, что на турецкую почву переносятся политические и экономические институты, а также формы общественно-политической жизни, рожденные длительной исторической эволюцией буржуазных обществ. Вживаясь (если это происходит) в механизмы жизнедеятельности местного общества, они стимулируют развитие в нем буржуазных отношений, но вместе с тем и сами претерпевают определенного рода мутации под воздействием несвойственной им, чужеродной и более отсталой социальной среды. В итоге возникают, условно говоря, «гибридные формы» общественно-политических и экономических отношений, реальное содержание которых во многом отлично от привнесенных извне и привитых образцов.

В подтверждение этой мысли приведем ряд примеров. При этом остановимся прежде всего на начальном этапе буржуазной эволюции турецкого общества. На наш взгляд, в период, когда капиталистический уклад в Турции только зарождался, деформация в ней привнесенных колониальной экспансией Запада развитых форм буржуазных отношений, институтов и учреждений должна была проявляться особенно наглядно.

Действительно, уже при первом знакомстве с историей экономических связей Османской империи с капиталистическими странами Запада во второй половине XIX в. бросаются в глаза те метаморфозы, которые претерпевает основная экономическая категория буржуазного общества — капитал при поглощении его преимущественно еще феодальной социально-экономической и

социокультурной средой. Как показала в своем исследовании И. Л. Фадеева, ссудный европейский капитал, пересекая границы Османской империи и попадая в распоряжение феодального государства, переставал быть собственно капиталом, т. е. стоимостью, способной приносить прибавочную стоимость.⁴ Иностранцы займы использовались здесь в соответствии с основным экономическим законом феодального, а не капиталистического общества. Поэтому вне зависимости от первоначальной целевой направленности они удовлетворяли сложившуюся и характерную для данного общества непроизводительную структуру расходов. В итоге ссуда капитала становилась ссудой денег.

Естественно поэтому, что в этих условиях и государственные долги в Османской империи превращались в прямую противоположность тому, чем они являлись в буржуазном обществе. В капиталистических странах Европы, по мнению К. Маркса, «государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебной палочки он наделяет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал».⁵ «Вполне последовательна поэтому современная доктрина, — замечает в связи с этим К. Маркс, — что народ тем богаче, чем больше его задолженность».⁶ В Турции же, как это хорошо известно, погашение государственного долга приводило лишь к увеличению налогообложения населения. В контексте ее исторического развития в XIX в. государственные долги стали тем ядром, вокруг которого постепенно возникали все новые формы экономической и политической зависимости, что в конечном итоге привело страну в положение полуколонии.

Единственной сферой, где иностранные заемные средства в Османской империи проявляли себя как капитал, было инфраструктурное и прежде всего железнодорожное строительство. В эти отрасли экономики, по подсчетам турецкого исследователя Р. Ш. Сувла, в период Танзимата было инвестировано около $\frac{1}{6}$ части иностранных займов Порты.⁷ Но, говоря об этом, хотелось бы подчеркнуть, что железные дороги в условиях султанской Турции и по своему происхождению, и по их функциям, и по конечным социально-экономическим и политическим результатам их работы были далеки от аналогичных предприятий в капиталистических странах. В них железные дороги, по определению В. И. Ленина, представляли собой «итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железодельательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации».⁸ Иначе говоря, железнодорожное строительство в Западной Европе и в Северной Америке в XIX в. явилось следствием достигнутого к тому времени общего высокого уровня развития экономики и одновременно мощным стимулом к дальнейшему ее росту и формированию единых национальных рынков.

Что касается Османской империи, то в ней железнодорожное строительство развивалось под воздействием не внутренних, а внешнеэкономических импульсов. Железные дороги и новые порты, построенные иностранными концессионерами, должны были в первую очередь обеспечивать вывоз из страны сельскохозяйственного и минерального сырья, а также содействовать сбыту европейской промышленной продукции. Это способствовало формированию в империи региональных рынков, тесно связанных с определенными секторами мирового хозяйства. Железные дороги «работали», таким образом, в большей степени на разрыв, чем на объединение различных провинций империи в единый хозяйственный организм.

Давая оценку характера инфраструктурного строительства в империи, нельзя не обратить также внимания на общую низкую рентабельность османских железных дорог, которая обусловила существование такой специфической формы дивиденда, как «километрические гарантии». Значительный их рост (с 1889 г. по 1901 г. сумма выплат Османского правительства по километрическим гарантиям выросла со 165 568 фр. до 15 359 446 фр.⁹) свидетельствует о том, что в условиях Османской империи железные дороги могли функционировать лишь в случае, если капиталистическая прибыль дополнялась феодальной рентой — налогом. Это, в свою очередь, говорит не только о хищнической природе иностранного капитала, но и об общей неподготовленности слабой, малотоварной, аграрной экономики с сезонными циклами производства к работе в ней транспортной системы, рожденной развитым капиталистическим обществом.

Другие капиталистические предприятия, встроенные в османскую экономику после Крымской войны, претерпевали в ней аналогичные изменения. Функциональное содержание их деятельности сужалось и деформировалось как общим низким уровнем социально-экономического развития, так и ростом полукOLONиальной зависимости страны. К числу этих предприятий следует отнести прежде всего банки. Эти финансовые учреждения в условиях капиталистического общества, по характеристике В. И. Ленина, «превращают бездействующий денежный капитал в действующий, т. е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие... доходы предоставляя их в распоряжение класса капиталистов».¹⁰ Однако по отношению к османской банковской системе эта характеристика без соответствующих оговорок применена быть не может. Наглядный пример тому деятельность Имперского оттоманского банка, который изначально был призван модернизировать финансовую систему страны, способствовать переходу от средневековых норм к буржуазным нормам организации и осуществления финансовой политики, а реально превратился в руках европейской буржуазии в один из основных инструментов контроля и распоряжения финансовыми и материальными ресурсами империи.

Помимо этого, с ростом межимпериалистического соперни-

чества на Ближнем Востоке Имперский османский банк утратил даже те номинальные функции общегосударственного финансового учреждения, исполнение которых было вменено ему в обязанность при его организации. В начале XX в. этот банк, по свидетельству знатока Османской империи того времени А. Рупина, «был далек от того, чтобы стать тем, чем национальные банки в других странах являются для хозяйственной жизни, а именно: центральным институтом, который обслуживает всю хозяйственную жизнь, руководит банковским делом и денежным обращением государства . . . и обязан в первую голову блюсти общие интересы государства».¹¹ Напротив, по словам того же автора, Османский банк тогда являлся «попросту одним из крупнейших банков, который находился в чисто частно-хозяйственном и нередко весьма остром соперничестве с другими банками и во имя общих интересов не желал поступиться ни малейшей частицей своих частно-хозяйственных выгод».¹²

Что касается других иностранных банков, возникших в Османской империи во второй половине XIX—начале XX в., то и к ним неприменимо понятие финансовых учреждений, основной функцией которых является накопление капитала. В большинстве своем это были коммерческие банки, выполнявшие роль посредников в торговле иностранных капиталистов в Турции. Содержание их деятельности выражалось, следовательно, в том, чтобы служить связующим звеном между механизмами феодальной и капиталистической эксплуатации.

То же можно сказать и о таком буржуазном институте, как государственный бюджет. Казалось бы, что само по себе появление этих документов в практике хозяйственной деятельности турецких властей в начале 60-х годов XIX в. должно свидетельствовать о стремлении Порты обратиться к буржуазным нормам финансовой политики. Но дело в том, что османские бюджеты составлялись и публиковались Портой в значительной степени благодаря давлению на нее представителей держав-кредиторов, заинтересованных в сведениях о состоянии финансов страны. Государственный бюджет империи в условиях роста ее внешней задолженности становился, таким образом, не столько организатором хозяйственной жизни страны, сколько показателем, определявшим ее положение в системе международного кредита. Главное же, османские бюджеты до младотурецкой революции вообще с трудом могут быть признаны за реальное отражение доходов и расходов империи ввиду финансового произвола высших сановников и самих османских монархов.

Обратимся теперь к османской внешней торговле, т. е. к тем формальным и реальным условиям, в которых в Османской империи реализовывались буржуазные принципы «свободной торговли». Известно, что Османская империя была включена в систему «фритредерства» торговыми договорами 30—60-х годов XIX в., и с формально-юридической точки зрения она могла рассматриваться как практически открытый для торговой экспансии стран

Запада рынок. Однако на практике между формальными и реальными условиями торговли иностранцев в Турции существовала значительная разница.

Препятствием, которое значительно затрудняло торговую экспансию Запада, являлось не турецкое таможенное законодательство, а специфика и традиции общественной жизни этой страны, проявившиеся, в частности, уже в первом учреждении, с которым сталкивались иностранцы, — в деятельности турецкой таможни.

Турецкая таможня в XIX—начале XX в. представляла собой еще один пример тех «гибридных» форм экономической жизни, которые возникали в Османской империи в результате синтеза капиталистических и традиционно восточных типов отношений. С одной стороны, турецкая таможенная служба была включена торговыми договорами Порты в работу капиталистического механизма международной эксплуатации, превратилась в составной элемент капиталистических мирохозяйственных отношений. Но, с другой стороны, это внешнее подключение османской таможни к реализации буржуазных принципов фритредерства, не означало еще ее внутреннего перерождения и изменения тех характеристик ее работы, которые порождались традициями и условиями жизни в Османской империи того времени. «Взяточничество и полное пренебрежение к интересам торговли делало турецкую таможню страшилищем иностранных купцов», — писал в начале века И. И. Голобородько. В турецких таможнях, замечал он далее, «царила невообразимая путаница . . . бесследно пропадали целые транспорты, дорогие изделия превращались в осколки, скоропортящиеся продукты сгнивали в ожидании их выдачи владельцу».¹³

Практика работы турецкой таможни была первым, но далеко не единственным препятствием на пути реализации идей «фритредерства» в Османской империи. Сбыт европейской продукции был сопряжен здесь со значительными трудностями, вызванными неразвитостью товарно-денежных отношений, низкой покупательной способностью населения, территориально-хозяйственной разобщенностью страны, произволом властей в коммерческих судах, отсутствием у местного купечества буржуазной «культуры» торговли и т. д. Все это вместе взятое значительно снижало положительный эффект от капитуляционных и таможенных привилегий европейской торговой буржуазии в Турции. Европейские принципы «свободной торговли» увязали в отсталой социально-экономической и социокультурной среде этой страны.

Итак, мы постарались показать, что такие экономические категории капитализма, как «капитал», «государственный долг», «банк», «бюджет» и т. д., в преломлении их условиями переходного, преимущественно еще феодального общества, во многом перестают уже выражать содержание отношений в буржуазном обществе. Капиталистические формы наполняются традиционным восточно-феодальным содержанием. Поэтому необходимы

усилия для осмысления существа тех отношений, которые здесь возникают. Причем это касается не только отдельных категорий, выражающих ту или иную сторону, скажем, экономических отношений в обществе, но и более емких, синтезирующих понятий, таких, например, как абсолютизм.

В настоящее время в нашей османистической литературе высказываются различные мнения по поводу специфики и основных этапов формирования абсолютизма в Османской империи. Так, Ю. А. Петросян характеризует османский государственный строй в качестве абсолютной монархии начиная с 40-х годов XIX в.¹⁴ Напротив, Ф. Ш. Шабанов считает, что в середине прошлого столетия «Османская империя была деспотической, но не самодержавной, а самодержавной она стала лишь при Абдул-Хамиде II, когда были созданы необходимые социально-экономические и политические условия».¹⁵ И наконец, В. И. Шпилькова дает государственному строю Османской империи конца XIX—начала XX вв. двойственное определение; и как деспотическому феодально-монархическому, и как самодержавно-абсолютистскому режиму.¹⁶

Включаясь в полемику, хотелось бы предварительно отметить следующее.

1. При разработке этого вопроса необходимо учитывать качественные различия между феодальной деспотией и абсолютной монархией. Феодальная деспотия, по определению советских историков-государствоведов, представляет собой своеобразную форму феодальной монархии, существующую в условиях застойного состояния феодального общества.¹⁷ Абсолютная же монархия, как указывал К. Маркс, возникает «в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой».¹⁸

2. Необходимо также разграничивать форму правления и исторический тип феодального государства в целом. Для государств Востока это особенно важно, поскольку исторические циклы усиления и ослабления центральной власти в них неоднократно чередовались.

3. И наконец, нельзя не учитывать специфики абсолютизма в Османской империи.

Исходя из сказанного, государственный строй Турции 40—60-х годов прошлого века, используя терминологию К. Маркса, можно, на наш взгляд, определить как «просвещенный деспотизм».¹⁹ В условиях этой страны он явился формой государственного устройства, переходной от феодально-теократической деспотии к абсолютизму. Устойчивые и необратимые социально-экономические предпосылки для абсолютизма в Османской империи не в формальном, а в сущностном его выражении сложились лишь в эпоху империализма, когда под воздействием мирового хозяйства происходило изменение базисных отношений уже

в среде собственно турецко-мусульманского населения. Необходимо также оговорить, что, применяя к османскому государственному строю конца XIX—начала XX в. понятие «абсолютизм», мы исходим лишь из наличия в то время в стране централизованной наследственной монархии в условиях переходного состояния общества. При этом учитываем, что данный тип феодального государства в условиях Османской империи качественно отличался от абсолютистских государств Европы.

Абсолютизм в Турции вырос не из сословной монархии и свойственной ей системы общественных отношений. Для него был характерен зависимый тип эволюции, при котором происходила деформация спонтанных процессов в обществе, усиливалась асинхронность развития различных социальных структур, что нашло свое отражение, в частности, в гипертрофированном росте армии и ее роли в общественно-политической жизни страны. Нельзя не учитывать того, что османский абсолютизм в период своего формирования не смог в отличие от европейских абсолютных монархий сыграть исторически прогрессивной роли — создать условия для возникновения буржуазной нации.

В заключение подчеркнем, что от определения типа и уровня развития феодального государства в Османской империи в новое время во многом зависит оценка этапов и специфики эволюции буржуазного турецкого государства в период республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 44.

² Мейер М. С. О соотношении светской и духовной власти в османской политической системе в XVI—XVIII вв. — В кн.: Ислам в истории народов Востока. М., 1981, с. 60.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 440.

⁴ Фабеева И. Л. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982, с. 116—117.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 764.

⁶ Там же.

⁷ Sulva R. Ş. Tanzimat devrinde istikrazlar — Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 713.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.

⁹ Karkar Y. N. Railway Development in the Ottoman Empire, 1856—1914. № 4, Wash, 1972, p. 112.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 326.

¹¹ Руппин А. Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919, с. 244.

¹² Там же.

¹³ Голобородько И. И. Старая и новая Турция. М., 1906, с. 150—151.

¹⁴ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции, с. 105.

¹⁵ Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967, с. 88.

¹⁶ Шпилькова В. И. Младотурецкая революция 1908—1909. М., 1977, с. 3, 23, 28.

¹⁷ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971, с. 227.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 306.

¹⁹ Там же, т. 10, с. 466.